

Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом*

Дмитрий Тимофеев

¹Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Russian Constitutionalism and Elections in Noble Assemblies under Alexander I

Dmitry Timofeev

¹Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In historiography, the Russian constitutionalism of the first quarter of the nineteenth century has traditionally been considered a result of the ideological influence of the European political and legal theories and the content of foreign constitutions known to contemporaries. What escaped researchers' attention was the influence of the existing experience of holding elections in noble assemblies which the authors of constitutional projects referred to as a basic model for forming bodies of class representation. Electoral practices allowed the emperor and his immediate environment to estimate the degree of formation of one of the most significant conditions for introducing a constitution in Russia, i. e. the fact that the eligible for political rights possessed necessary moral qualities, desire, and abilities for partnership in the development and discussion of laws. The author analyses archival materials from the Russian State Historical Archive, acts, and M. M. Speransky's private correspondence with V. P. Kochubey. For the first time in national historiography, the article presents recurring problem situations

* *Citation*: Timofeev, D. (2022). Russian Constitutionalism and Elections in Noble Assemblies under Alexander I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 848–866. DOI 10.15826/qr.2022.3.705.

Цитирование: Тимофеев Д. Russian Constitutionalism and Elections in Noble Assemblies under Alexander I // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 848–866. DOI 10.15826/qr.2022.3.705 / Тимофеев Д. Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 848–866. DOI 10.15826/qr.2022.3.705.

deemed by contemporaries as critical, interfering with the normal functioning of election systems. The most significant of them was the impossibility to draw up electoral lists in due time and authentically, reveal and prevent facts of a deliberate distortion of data on property, cases of false purchase and sale of manors; lack of the necessary number of noblemen who would correspond to all to the criteria established by the law and have the skills required; conspiracy or bribery of electors by the persons interested in the victory of a candidate; cases of "evasion of duty" by already elected candidates. Such cases were treated as a manifestation of unworthy behaviour of noblemen who turned the election procedure into an instrument of negative selection of candidates. Finally, the author concludes that in the government circles of Russia in the first quarter of the nineteenth century, together with the understanding of the inefficiency of the existing local management system, the negative experience of electoral practices was an argument for the inopportuneness of introducing a constitution.

Keywords: Russian constitutionalism, power, and society, constitution, self-government of the nobility, elections of the nobility, M. M. Speransky

В историографии российский конституционализм первой четверти XIX в. традиционно рассматривался как результат идейного влияния европейских политико-правовых теорий и содержания известных современникам зарубежных конституций. При этом вне поля зрения исследователей оставался вопрос о влиянии собственного опыта проведения выборов в дворянских собраниях, которые предлагались авторами конституционных проектов в качестве базовой модели при формировании органов сословного представительства. Электоральные практики позволяли императору и его ближайшему окружению оценить степень сформированности одного из наиболее значимых условий введения в России конституции – наличия у тех, кто мог быть наделен политическими правами, необходимых морально-нравственных качеств, желаний и способностей для соучастия в разработке и обсуждении законов. На основе анализа комплекса архивных материалов РГИА, законодательных актов и частной переписки М. М. Сперанского с В. П. Кочубеем впервые в отечественной историографии представлены регулярно воспроизводимые проблемные ситуации, которые оценивались современниками как критические, препятствующие нормальному функционированию системы избрания кандидатов на выборные должности. Наиболее значимые из них – невозможность своевременно и достоверно составлять избирательные списки, выявлять и предотвращать факты намеренного искажения данных об имуществе, случаи подложной купли-продажи имений; отсутствие необходимого количества дворян, которые бы соответствовали всем установленным законом критериям и обладали достаточным уровнем квалификации; сговор или подкуп выборщиков лицами, заинтересованными в победе определенного кандидата; случаи уклонения уже избранных кандидатов от исполнения возложенных на них обязанностей. Все перечисленные случаи трактовались как проявление недостойного поведения дворян, что превращало процедуру избрания в инструмент отрицательной селекции кандидатов. Автор дела-

ет вывод о том, что в правительственных кругах России первой четверти XIX в. негативный опыт электоральных практик в совокупности с пониманием неэффективности существующей системы местного управления являлся основанием для аргументации несвоевременности учреждения конституции.

Ключевые слова: российский конституционализм, власть и общество, конституция, дворянское самоуправление, дворянские выборы, М. М. Сперанский

В современной историографии формирование российского конституционализма XVIII–XIX в. традиционно рассматривается как следствие идейного влияния философии Просвещения, либеральных экономических теорий и политической практики стран Западной Европы. В рамках данного исследовательского подхода российский конституционализм представлен как одно из проявлений общеевропейского феномена эволюции политической культуры и властных институтов, имевшее различные национальные модификации в зависимости от особенностей социальной структуры, сложившихся практик управления и развитости общественного сознания [Медушевский, 1998; Медушевский, 2010; Чернов, 2007; Захаров, 2017]. Анализ в широком сравнительно-историческом контексте ряда зарубежных конституций и проектов А. Р. Воронцова, М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, Н. С. Мордвинова, Н. М. Муравьева, П. И. Пестеля и др. стал основанием для дискуссий о сущности абсолютизма и исторических моделях его трансформации во второй половине XVIII – первой половине XIX в.¹

Одним из важнейших аспектов такого рода дискуссий является вопрос о причинах, обусловивших отказ императора Александра I реализовать первоначально согласованные с ним планы провозглашения гражданских и некоторых политических прав для определенных категорий российских подданных. В общем виде в качестве таких причин чаще всего назывались следующие: противоречие между пониманием исторической неизбежности отмены (смягчения) крепостного права и необходимостью при создании выборных органов иметь надежную опору в лице дворянства, представители которого были не готовы к утрате контроля над крепостными крестьянами; сложные внешнеполитические обстоятельства; информация о возникновении радикально настроенных тайных обществ; личное разочарование Александра I в целесообразности продолжения реформ [Захаров, 2011, с. 47; Мироненко, с. 11–73, 229–230]. Однако при всей важности сделанных выводов для понимания причин отказа Александра I

¹ В. Ю. Захаров, например, выделяет четыре основных варианта выхода из кризиса традиционных абсолютных монархий во второй половине XVIII в.: «просвещенный абсолютизм», «просвещенный деспотизм», «правительственный конституционализм» и «революция» [Захаров, 2011, с. 36–38].

от политико-административных преобразований, на мой взгляд, необходимо сфокусировать внимание не на внешних обстоятельствах или общих утверждениях о сопротивлении консервативного дворянства, а на *действительных намерениях и объективных возможностях* верховной власти изменить систему государственного управления с учетом информации о положении дел в системе управления и практики использования выборных процедур для отбора наиболее способных и квалифицированных кандидатов на различные должности.

Границы намерений власти в деле реформирования системы государственного управления отчетливо прослеживаются при анализе порядка создания и характера взаимодействия с императором выборных структур в проектах М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева. Сопоставляя соотношение структурных элементов системы управления, которая могла быть создана в соответствии положениями «Государственной уставной грамоты», К. С. Чернов приходит к выводу о том, что «Грамота не вносила никаких новшеств в основу всей политической системы империи» и не могла способствовать «превращению самодержавия в конституционную монархию». Напротив, в проекте Н. Н. Новосильцева порядок формирования сеймов свидетельствует «о четко выраженном стремлении авторов грамоты подменить представительные механизмы бюрократическими», что позволило бы «контролировать непредсказуемую активность выборных членов сейма» [Чернов, 2009, с. 32]. В результате наличие представительных институтов не привело бы к появлению новых центров принятия решений, но позволило бы сформировать дополнительные информационные каналы обратной связи, которые были необходимы имперской власти для сохранения управляемости и предварительной апробации принимаемых решений [Там же, с. 33]. Аналогичную оценку практической направленности правительственного конституционализма высказывал и А. Н. Медушевский, утверждая, что «правительственный конституционализм как данного, так и последующего времени есть форма “мнимого конституционализма”, использующая европейские принципы для легитимации традиционного (самодержавного) режима» [Медушевский, 2010, с. 19]. Таким образом, октроированная конституция рассматривалась как сугубо утилитарный инструмент повышения управляемости и контролируемости положения на местах, а апелляция к теоретическим основаниям концепции общественного договора, разделения властей и естественного права позволяла легитимировать власть монарха в сознании образованной части русского общества.

На мой взгляд, оценка правительственного конституционализма как сознательно выстраиваемой стратегии по легитимации самодержавия посредством декларации приверженности европейским либеральным принципам не в полной мере соответствует особенностям мировосприятия правящей элиты в царствование Александра I. Анализируя политическое поведение и взгляды современников,

важно учитывать, что в России на рубеже XVIII – первой четверти XIX в. ключевым аспектом осмысления социально-политической реальности был вопрос о *соотношении морали и политики*, способах установления доверительных отношений политических институтов и подданных, а в качестве ориентиров рассматривалась либо патерналистская модель правления «просвещенного монарха», который, устанавливая законы, сам бы их неукоснительно соблюдал, либо исторические примеры древних республик. В царствование Александра I на страницах российских журналов и учебных пособий размышления и о монархии, и о республике неизменно сопровождались подчеркиванием первостепенной важности не рационально выстраиваемых политических институций, а морально-нравственных качеств («добродетелей») и профессиональных способностей граждан. Именно эта установка была частью официального государственно-патриотического дискурса, в основании которого лежало утверждение о системообразующей роли личностных качеств главы государства, а также о «любви к Отечеству» и стремлении каждого индивида действовать на общее благо. В данном контексте вопрос о российской конституции был интегрирован в более широкий дискурс о взаимосоответствии личностных качеств российских подданных и предполагавшихся в конституционных проектах политических институтов.

Но была ли у императора и его окружения реальная возможность оценить, насколько те, кто потенциально могли быть наделены политическими правами, действительно обладали необходимыми качествами? Единственный инструмент, используя который, было возможно оценить степень готовности дворянства «соучаствовать» в выработке правовых норм, это систематически поступающая с мест информация о реальном положении дел в системе управления и практике использования выборных процедур для отбора наиболее способных кандидатов на различные должности [Тимофеев, 2016; Тимофеев, 2020].

В современной историографии взаимосвязь между практикой проведения выборов в дворянских собраниях, которые в большинстве проектов рассматривались как базовая модель организации избирательных процедур, и причинами отказа от реализации конституционных проектов до сих пор не была предметом специального исследования². В настоящей работе для решения этой задачи сопоставлены комплекс материалов делопроизводства (жалобы дворянства и донесения губернаторов «о беспорядках при проведении выборов»; журналы заседаний Комитета министров, департамента законов, департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, материалы сенаторских ревизий), законодательные акты, корректирующие порядок проведения выборов; частная переписка М. М. Сперанского

² Тематически наиболее близкими являются работы А. И. Куприянова, но он рассматривает комплекс сюжетов, связанных с избирательными практиками в дворянских собраниях и органах городского самоуправления, в контексте формирования в России протоинститутов гражданского общества [Куприянов].

и В. П. Кочубея. В результате сравнительного анализа обозначенного комплекса источников выявлены регулярно воспроизводившиеся в различных губерниях проблемные ситуации, которые оценивались как критические, препятствующие нормальному функционированию системы избрания кандидатов на выборные должности.

Одним из наиболее часто упоминавшихся был *вопрос о неспособности местных властей обеспечить установленный законом порядок составления списков дворян*, имевших право участвовать процедуре баллотирования. Его актуальность неоднократно подтверждалась жалобами и донесениями с мест. Так, например, в рапорте костромского губернского прокурора, направленном в 1814 г. министру юстиции Д. П. Трошинскому, а от него – министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, сообщалось, что по доносу секретаря дворянского собрания коллежского асессора Верховского к выборам были допущены и утверждены губернатором в должности губернского предводителя дворянства Д. Н. Козловский, уездного предводителя – И. Л. Насекин, земского исправника – В. Т. Щедрин. В донесении утверждалось, что первый кандидат состоял ранее под судом по обвинению в преднамеренной «браковке» трех рекрутов, которые позднее оказались в имении графа Зубова, второй обвинялся в «подозрительной перепродаже недвижимого имущества» вместе со 128 крепостными крестьянами, а избранный на должность земского исправника В. Щедрин находился под судом за «слабый присмотр и невзятие под стражу регистратора П. Киленина, судимого в убийстве сестры своей родной» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1814. Кн. 91. Д. 231. Л. 88, 92, 94–94 об.].

Аналогичная проблема была сформулирована 7 февраля 1821 г. в донесении казанского гражданского губернатора П. А. Нилова. Обращаясь к В. П. Кочубею, он отмечал, что, несмотря на изданные ранее указы, в соответствии с которыми «собрание дворянское обязывалось иметь в виду о последнем служении каждого баллотируемого аттестаты», на последних выборах «балатируемы были и балатировали других сами: состоявшие прежде и ныне находящиеся еще под судом, те коих дела прекращены Всемилостивейшим манифестом, и те, кои не имели о последнем служении аттестатов» [Там же. Оп. 6. Отд. II. Ст. 3. Д. 12. Л. 1–2]. Обстоятельства этого дела были известны не только непосредственным участникам и адресантам донесений, но и более широкому кругу высокопоставленных чиновников, так как в соответствии с установленной процедурой дело последовательно рассматривалось министром внутренних дел, сенаторами, членами Комитета министров. В итоге высочайше утвержденным 20 июня 1822 г. решением Комитета министров результаты выборов в Казанской губернии были отменены [Там же. Л. 96–97].

Дополнительным аргументом, иллюстрирующим остроту проблемы отбора кандидатов на выборные должности, были многочисленные *свидетельства о намеренном искажении данных об имуществе с целью получения права участия в выборах*. Выявленная в нескольких губерниях

схема подлога была достаточно проста: перед выборами дворянин формально приобретал недвижимое имущество, которое после их завершения продавал прежнему владельцу. Подобного рода случаи фиктивной продажи имений были предметом рассмотрения в высших учреждениях на протяжении всего правления императора Александра I. При этом современники отмечали, что такие действия лишь на первый взгляд имели сугубо формальный характер, а в действительности приводили к долговременным негативным последствиям. Так, например, гродненский гражданский губернатор в представлении на имя государя цесаревича Константина Павловича сообщал, что инициаторами подложной купли-продажи были «вотчинники значительных имений», которые принуждали совершать фиктивные сделки «зависящих от них лиц, не имеющих никакой собственности... не выпуская, впрочем, их из своего владения, якобы на основании арендных контрактов от сих людей, им выданных, но также подложных». Таким образом, по словам губернатора, крупные помещики получают на выборах «несправедливый перевес, устраняют от должностей людей достойных и наполняют правительственные места чиновниками ненадежными и неспособными» [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 2, стб. 115].

Для предотвращения практики избрания заведомо зависимых и неспособных чиновников губернатор предложил дополнительно к удостоверительным документам о дворянском происхождении обязать каждого участника избирательной процедуры «давать присягу в том, что ни сам присягающий не участвует в выборах из кондиктового владения, ниже таковым владением никого не снабдил» [Там же, стб. 115]. Дело было направлено на рассмотрение Н. Н. Новосильцеву, который, в целом соглашаясь с предложениями губернатора, считал необходимым ужесточить требования: кроме письменного обязательства дворянина в течение трех лет «не выпускать имения из своего владения», следовало налагать временное «запрещение» на сделки с имением, которое было указано в качестве подтверждения необходимого для участия в выборах имущественного ценза. В случае же выявления подложной продажи с целью участия в выборах дворянин должен был быть исключен из собрания дворянства или «вовсе лишен означенного звания» [Там же, стб. 115–116].

Аналогичная позиция была озвучена и в мнении министра внутренних дел В. С. Ланского, который предложил взysкивать стоимость имения в пользу казны с тех дворян, кто до истечения срока пребывания на выборных должностях продавали или сдавали имения в аренду. И хотя в итоговом решении департамента законов и общего собрания Государственного совета от 9 марта 1825 г.³ данная норма была заменена достаточно абстрактной формулировкой о предании виновного в подлоге «суду по законам» [Там же, стб. 120–122], сам факт обсужде-

³ Решение распространялось на «все губернии, от Польши присоединенные», и было высочайше утверждено 14 июня 1827 г. [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 2, стб. 122].

ния способов предотвращения незаконного включения «недостойных дворян» в избирательные списки следует рассматривать как признание властью неспособности осуществить постоянный контроль за процессом подготовки к выборам.

Обозначенная проблема усугублялась еще одной принципиально не решаемой дилеммой – *отсутствием необходимого количества дворян, которые бы одновременно соответствовали всем установленным законом критериям и обладали необходимым уровнем квалификации для исполнения обязанностей на выборных должностях*. Яркой иллюстрацией сложившегося положения является представление волынского вице-губернатора Горохольского о дозволении избирать на должность заседателя нижнего земского суда дворянина Доморадского, который не обладал недвижимым имуществом доходностью 150 руб. в год⁴. Аргументируя свое прошение, вице-губернатор отмечал, что кандидат еще до повышения имущественного ценза трижды выбирался на эту должность, «но дворянство почитает нужным оставить его при прежнем месте не только потому, что он имеет к нему доверенность, но и потому, что опытностию своею может подавать пример другим, от дворянства избранным...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 15. Л. 249–249 об., 255].

Соображениями служебной целесообразности обосновывал необходимость разрешить участвовать в выборах «оштрафованным» дворянам и ярославский губернский предводитель Н. А. Майков. 23 декабря 1813 г. в представлении на имя министра внутренних дел он сообщал, что многие из не допущенных к выборам дворян «по способностям своим и честности их, известной дворянскому сословию, могли бы занимать по выборам немаловажные должности», но они лишь «по одному названию бытия их под судом лишаются оных» [Там же. Оп. 4а. 1814. Кн. 89. Д. 201. Л. 33 об.]⁵. Примерно та же аргументация необходимости допустить «оштрафованных дворян» к выборам приводилась в донесениях губернаторов Гродненской, Киевской, Курской, Калужской, Псковской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Олонецкой губерний.

В России первой четверти XIX в. проблема подбора кандидатов на выборные должности была частью более масштабной проблемы – низкого уровня профессиональной компетенции местных чиновников. Формальные попытки ее решения посредством усиления исполнительной дисциплины сугубо административными методами приводили к неожиданным для правительства результатам. Об осознании необходимости исправления сложившегося положения и одновременно непонимании того, каким образом это можно сделать в кратчайшие сроки, свидетельствует журнал заседаний Комитета министров 3 фев-

⁴ Такой имущественный ценз был установлен указом 3 марта 1805 г. «О порядке дворянских выборов в губерниях от Польши присоединенных» [ПСЗ-1, т. 28, № 21646, с. 883–884].

⁵ В результате рассмотрения дела было издано высочайшее повеление Ярославскому губернскому правлению разрешить указанным дворянам участвовать в выборах [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1814. Кн. 89. Д. 201. Л. 50 об.].

раля 1809 г. При обсуждении вопроса «О судах над чиновниками» в представленной по повелению императора записке отмечалось:

Все уголовные палаты наполнены у нас делами в упущении должностей разных низших чиновников. Дела сии тянутся, длятся и большую часть кончаются или оправданием, или штрафом, или отрешением. За всякую вину, за всякий проступок – суд. <...> Между тем служба терпит: половина чиновников, быв удалена от должностей, места их остаются праздными или занимаются кандидатами, кои, не проча себе мест и наполняя их против воли, стараются только отбывать, а не отправлять службу [Журналы комитета министров, т. 1, с. 252].

Предлагалось для рассмотрения незначительных нарушений создать в каждой губернии при Уголовной палате особый «Суд исправления», «составленный из губернатора, двух председателей палат и прокурора с самою небольшою канцелярией», а «суду уголовному предавать за такие только вины, кои влекут за собою отрешение дел навсегда или лишение чести и ссылки» [Там же].

30 ноября 1809 г. Комитет министров вновь возвращается к данному вопросу. Инициативным документом служило донесение калужского предводителя дворянства о разногласиях местного дворянства по вопросу о допуске к выборам дворян, «кои хотя и были под судом, но всемилостивейшим манифестом от оного освобождены» без оправдательного решения. При рассмотрении дела была озвучена позиция Сената, который, ссылаясь на указ 17 июня 1803 г., рекомендовал при принятии решения об отстранении дворян от выборов каждый раз выяснять, «по какому случаю подвержены были они судебному рассмотрению, до какой степени сие рассмотрение достигло... и чем точно решено было» [Там же, с. 404]. Но министр внутренних дел А. Б. Куракин не поддержал данное решение. Аргументируя нецелесообразность допуска «сужденных» дворян к выборам, он отметил, что подробный разбор дел просто некому проводить, так как «если предоставить сие начальнику губернии, то дворянство примет то нарушением своих прав, а если самому дворянству, то, по многочисленности членов, неминуемо произойдут разные мнения и несогласия, которые подадут повод к беспорядкам» [Там же, с. 405]. В результате обсуждения Комитет министров принял решение: «не избирать тех из дворян, кои были под судом и оным не оправданы, но только прощены по милостивому манифесту», с правом подавать прошения в Правительствующий Сенат. Очевидно, что такая формулировка не решала проблемы, так как рассмотрение любого дела в Сенате могло продолжаться неопределенно продолжительное время.

Наряду с проблемой юридического соответствия кандидатов на выборные должности не менее актуальным был вопрос: *возможно ли посредством выборов выявить действительную волю большинства местного дворянства?* Содержательно такая постанов-

ка проблемы была обусловлена как практикой голосования по доверенности, так и случаями сговора или подкупа выборщиков.

Первый аспект представлен в различных донесениях и жалобах об участии выборщиков по доверенности⁶. Так, например, волынский гражданский губернатор М. И. Комбурлей в 1808 г. по просьбе дворян обратился к министру внутренних дел с ходатайством об отмене голосования по доверенностям. Данное обращение было передано на рассмотрение в первый департамент Сената, а 30 июня 1810 г. – в департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. В донесении губернатора сообщалось о значительном числе голосующих по доверенности (лично участвовало 78 дворян, по доверенности – 531, из них 417 не уведомили, кого именно поручили избрать их доверители) и высказывалось мнение о необходимости либо полностью запретить заочное участие в «баллотировке», либо обязать дворянина письменно сообщать губернатору, на какую должность и за кого поручает он голосовать своему представителю.

В ходе рассмотрения дела были высказаны два аргумента против голосования по доверенности: 1) данная норма была установлена Екатериной II для проведения выборов в Уложенную комиссию и не относится к выборам в дворянских собраниях, но в некоторых губерниях до сих пор выбирают по доверенностям; 2) при личном участии дворянин «приводится к присяге на соблюдение справедливости и беспристрастия, тогда как отсутствующие дают согласие свое и доверенность по одному их произволению» [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 1, стб. 51–54]. Все это существенно затрудняло или вообще исключало возможность определить действительное соотношение голосов за конкретного кандидата, так как выборщик по доверенности мог в своих личных интересах или, что еще более опасно – в интересах третьих лиц поддержать другого кандидата. В результате было принято решение: «впредь при дворянских выборах по всем вообще губерниям от неприбывших дворян доверенностей не принимать, а производить те выборы по баллам наличными токмо дворянами»⁷ [Там же, стб. 54].

Сомнения в возможности провести безусловно честные, отражающие личную позицию каждого участника выборы, возникало и при рассмотрении разнообразных донесений и жалоб о так называемых «беспорядках при проведении выборов». Данным словосочетанием современники обозначали не только прямое нарушение правил, но и все случаи, которые оказывали негативное влияние на результаты выборов.

⁶ Юридическим основанием для голосования по доверенностям являлся п. 7 именного указа Сенату от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового уложения и о выборе в оную депутатов», в соответствии с которым в случае, если дворянин (или самостоятельно владеющая имением дворянка) не мог лично явиться в собрание, он письменно уведомлял об этом губернатора и мог поручить голосовать своему представителю [ПСЗ-1, т. 17, № 12.801, с. 1096].

⁷ Решение было принято большинством голосов на общем собрании Государственного совета 24 октября и высочайше утверждено 11 ноября 1810 г.

Особое место в ряду таких случаев занимал *негласный сговор или подкуп выборщиков лицами, заинтересованными в победе определенного кандидата на выборную должность*. Смоленский военный губернатор С. С. Апраксин от 4 мая 1805 г. в представлении министру внутренних дел эмоционально описывал неформальные практики подкупа выборщиков: «дворянин, желающий быть избранным или желающий избрать кого-либо к занятию важного поста в своем уезде, прежде отъезда в губернский город составляет партию», руководитель которой «назначает наперед, кого им избрать и кого отвергнуть должно» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8. Л. 167-167 об.]. Как правило, участниками таких «партий» становились бедные дворяне, для которых проезд и проживание в губернском городе были очень затратным, а иногда просто неосуществимым мероприятием. Сложившаяся практика, по мнению С. С. Апраксина, свидетельствовала об отсутствии и у тех, кто соглашается, и у тех, кто подкупает, необходимых для участия в избрании морально-нравственных качеств. Он с сожалением констатировал:

Выходит, что сии последние из токмо единого корыстолюбия и неблагонамерения, а приглашенные из глупости, праздности и недостатка, единственно желая доставить себе несколько недель угощения, употребляют во зло право, дарованное благородному дворянству, и вредят обществу [Там же].

Негативно оценивая сам факт корыстного сговора, автор задает вопрос: «избранные таким образом к служению чиновники... могут ли действовать по долгу их и по закону беспристрастно?» Ответ для него был очевиден: такой дворянин не способен служить на общее благо. На примере земского судьи и исправника С. С. Апраксин показывает последствия возникновения «партий»: зависимость от тех, кто способствовал их избранию, ведет к недостоверному сбору материалов для судов, умышленному затягиванию рассмотрения дел, а также росту недоимок и долгов, так как они «не имеют ни духа, ни намерения ниже смелости кого-либо к тому понудить как следует, а оставляют все сие на произвол случая» [Там же. Л. 168 об.]⁸.

Все это приводило к невозможности даже для тех, «кто хотел исправлять свою должность как следует... <...> Избежать пристрастия по всем без изъятия делам должностей, их касающихся». В дальнейшем, по свидетельству С. С. Апраксина, одни чиновники за совершаемые злоупотребления отдавались под суд, а другие вынуждены были «просить вовсе увольнения от службы прежде срока» [Там же. Л. 168]. В итоге выборные должности могли оказаться не занятыми, что только увеличивало количество нерешенных дел, рост процессуальных нарушений и, как следствие, «оштрафованных дворян».

⁸ В ответе министра сообщалось, что вопрос требует внимательного рассмотрения в Комиссии составления законов. До вынесения общего решения возможно только издание особого указа по Смоленской губернии, но это не относится к компетенции министра. Аналогичный ответ в этом же году был дан и псковскому губернатору [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 10. Л. 176-177].

Таким образом, описываемые случаи беспорядков (допуск оштрафованных дворян, подложные продажи имущества, разделение на партии, использование выборов для сведения личных счетов) трактовались как проявления недостойного поведения дворян, которое превращало процедуру избрания в *инструмент отрицательной селекции кандидатов*, что не соответствовало изначальной цели – отбора лучших и достойных представителей дворянства для исполнения общественно значимых функций.

Но и это еще не полный список проблем, непосредственно связанных с выборами, которые регулярно озвучивались в Комитете министров, Сенате и Государственном совете. Пристальное внимание властей было обращено на многочисленные случаи уклонения уже избранных кандидатов от исполнения возложенных на них обязанностей. На уровне официальных предписаний о необходимости прекращения подобной практики было заявлено еще в сенатском указе 20 марта 1800 г., в соответствии с которым полиции вменялось в обязанность возвращать к месту службы дворян, уехавших после избрания на выборные должности «в другие города или деревни», а после предавать суду. В высочайше утвержденном докладе Правительствующего Сената от 5 мая 1801 г. «О восстановлении статей дворянской грамоты, отмененных некоторыми указами», было признано, что «такое взыскание превышает меру учиненного поступка», и вполне достаточно будет предавать дворянина «суждению дворянского собрания» [ПСЗ-1, т. 26, № 19.856, с. 623–624]. Однако такое смягчение не решало проблемы наполнения мест чиновниками «по выбору от дворянства», о чем свидетельствуют указы 30 мая 1808 г., 15 марта 1809 г., 18 декабря 1811 г. При этом важно отметить, что все подобного рода законодательные акты возникали в результате рассмотрения конкретных жалоб и прошений с мест⁹.

Так, например, в именном указе 30 мая 1808 г. со ссылкой на донесение псковского губернатора выражалось недовольство, что «места, от выборов дворянства зависящие, остаются праздными по уклонению от общественной службы», и было дано предписание в случае невозможности найти достойных кандидатов «определять в оные чиновников от герольдии». Позднее в Комитете министров при рассмотрении вопроса «о мерах к скорейшему окончанию губернскими местами запущенных дел» обсуждалось еще одно донесение псковского губернатора. Он констатировал, что избранные ранее дворяне, опасаясь «быть оставленными на своих местах по истечении трехлетия для окончания нерешенных дел», представляют «свидетельства о болезни». Для предотвращения такого рода увольнений, которые неизбежно привели бы к остановке не только не решенных ранее, но и текущих дел, губернатор предлагал увольнять чиновников от должностей

⁹ Сведения об увольнении с выборных должностей ежемесячно подавались губернаторами в Министерство внутренних дел. См., например: [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1817. Д. 198].

по выборам только после «освидетельствования их врачевною управою» [Журналы комитета министров, т. 2, с. 23].

Подозрения в том, что некоторые дворяне под предлогом ухудшения здоровья намеренно оставляют службу на выборных должностях, высказывались 9 марта 1808 г. в представлении от ярославского губернского предводителя дворянства Н. А. Майкова министру внутренних дел А. Б. Куракину:

Случается, что дворяне, избранные сословием своим в должности, не выслужив иногда полного трехлетия, подают в губернское правление об увольнении их просьбы, представляя причинами приключившиеся им болезни... Конечно, могут быть весьма законные иногда причины к таковому увольнению, но вместе с тем нельзя отвергнуть и того, чтобы не было чрез сие повода к отбыванию от службы общественной [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1808. Кн. 46. Д. 348. Л. 2–2 об.].

Для предотвращения такого рода «отбывания от службы» Н. А. Майков предлагал ввести особый порядок подтверждения обоснованности прошений об увольнении: в случае, если дворянин не выслужил полного трехлетия, он мог быть уволен от исполнения обязанностей в связи с болезнью или «другими законными причинами» не иначе «как с согласия дворянского сословия» [Там же].

В процессе рассмотрения данного дела министр внутренних дел, соглашаясь с необходимостью «удержания от уклонения под предлогом болезни или другим от службы», предложил обязать губернское правление доводить до сведения губернского предводителя о намерении дворянина уволиться с выборной должности. После получения таких сведений предводитель должен был удостовериться в обоснованности указанной в заявлении причины увольнения и в случае возникновения сомнения в ее достоверности представить все имеющиеся доказательства обмана на рассмотрение дворянского собрания. Такой порядок, несмотря на мнение ряда сенаторов, которые, ссылаясь на указ 12 августа 1803 г., считали целесообразным право увольнения выборных должностных лиц оставить только за губернским правлением [Корф, с. 345], был закреплен в указе 15 марта 1809 г. [ПСЗ-1, т. 30, № 23.538, с. 879].

Аналогичным образом обязанность проводить «строгое исследование» о том, что дворянин «действительно исправлять службы не может», была возложена высочайше утвержденным мнением Государственного совета 18 декабря 1811 г. на губернского предводителя, который совместно с дворянским собранием должен был дать согласие на увольнение дворянства [ПСЗ-1, т. 31, № 24.916, с. 1026]. Однако установленный порядок оказался явно недостаточным. 24 апреля 1818 г. на заседании департамента законов Государственного совета проблема уклонения от службы вновь рассматривалась как одна из причин сокращения числа кандидатов, которые могли быть включены в списки кандидатов на выборные должности. Прокурор Екатеринославской губернии сообщал,

что досрочная отставка дворянина, не выслужившего полного трехлетия на выборной должности, исключала возможность его «баллотировки» и, как следствие, порождала кадровый дефицит в «уездных присутственных местах» [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 2, с. 109].

Таким образом, регулярно поступавшие с мест сведения о комплексе проблем, возникавших в связи с функционированием существовавшей с 1785 г. системы выборов, были хорошо известны императору, сенаторам, министрам, членам Государственного совета и губернаторам. Нередко в донесениях губернаторов содержались предложения разрешить хотя бы в качестве исключения из общего правила назначать на некоторые выборные должности чиновников «от короны» или «герольдии». В большинстве случаев такого рода просьбы аргументировались отсутствием необходимого количества дворян, низким уровнем квалификации кандидатов, предварительным сговором выборщиков, в результате которого на должности избиралась родственники или заведомо зависимые от их покровителей дворяне¹⁰. Все это порождало сомнение в своевременности масштабирования электоральных практик на общеимперский уровень посредством создания высших органов сословного представительства.

Неуверенности в возможности реализации проектов способствовали и результаты проведенной ранее административной реформы. Как убедительно показывает Л. Ф. Писарькова, проведенные Александром I преобразования не привели к желаемому результату. За 20 лет число «нерешенных дел» в губерниях многократно увеличилось. Реформаторы не смогли выстроить систему эффективного взаимодействия центральных и местных учреждений, и всю «вертикаль власти, обросшую многочисленными учреждениями и структурами, по-прежнему приводил в движение один человек – император» [Писарькова, 2018, с. 65]. Дополнительным фактором, сформировавшим понимание императором преждевременности конституционных преобразований, являлись его многочисленные поездки по стране [Писарькова, 2014, с. 415–417] и регулярно проводившиеся в губерниях сенаторские ревизии, в ходе которых выявлялось огромное количество случаев злоупотреблений и произвола чиновников. Только в Курской губернии более 300 чиновников было отдано под суд, а по итогам рассмотрения жалоб и материалов ревизий были сняты с должностей губернаторы Вологодской, Вольнской, Казанской, Костромской, Псковской, Тамбовской и Тульской губерний [Писарькова, 2018, с. 65].

Взаимосвязь между практикой выборов в дворянских собраниях и возможностью установления в России представительных органов отчетливо осознавалась ближайшим окружением Александра I и была

¹⁰ В данном контексте становится понятно сформулированное 3 марта 1811 г. в именном указе министру внутренних дел О. П. Козодавлеву намерение императора скорректировать и привести к единообразию нормы избирательного законодательства для всех российских губерний [ПСЗ-1, т. 31, № 24546, с. 568]. Новое положение было принято уже в царствование императора Николая I [Корф, с. 485–490].

важным аргументом нетождественности необходимых для учреждения конституции условий в России и в странах Западной Европы. В декабре 1814 г. В. П. Кочубей в записке «О положении империи и мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительстве составляющие» признавал, что в России

...принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту, как Государственному совету. Не могут они присвоены быть депутатам губернским или, как в разных государствах называют, провинциальным штатам, ибо степень просвещения есть еще слишком в империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. 16. Д. 50. Л. 8].

Именно недостаточная «степень просвещения» на местном губернском уровне обуславливала невозможность в ближайшем будущем трансформации существующей системы выборов в аналог европейских органов сословного представительства.

Во «Введении к уложению государственных законов» (1809) М. М. Сперанский, отмечая недостатки существующего административно-территориального деления страны, признавал: «есть уезды, в коих дворянство так слабо, что некому ни избирать, ни быть избираемым. Посему наполнение мест хотя и чинится по выборам, но в самом деле зависит большей частью от произвола губернатора». Немногочисленность людей, которым возможно было бы предоставить «политические права», на практике означает, что «в одних совсем нельзя основать никаких начал законодательного порядка, а в других начала сии будут весьма слабы» [Сперанский, 2004, с. 41]. Предлагая решить данную проблему посредством изменения административно-территориального деления, он считал необходимым создать систему отбора кандидатов в волостные, окружные, губернские думы и Государственную думу. Предполагалось, что, помимо избрания соответствующих каждому уровню управленческих структур и передачи на вышестоящий уровень сведений об «общественных нуждах», волостная, окружная и губернская думы должны были составить «списки 20 отличнейших обывателей», а также «всех членов избранных в волостные правления, суды окружные и губернские» для направления в Государственный совет. В дальнейшем «списки всех губернских дум поступают к канцлеру Думы, и из них составляется общий государственный список, из коего заимствуются чиновники, мнением общим одобренные для определения их в порядке управления» [Сперанский, 1961, с. 230]¹¹.

Таким образом, выборы на всех уровнях должны были способствовать созданию механизма *кадровой селекции*, который позволял бы не только сформировать корпус депутатов Государственной думы,

¹¹ Аналогичное назначение составленных в результате выборов списков было предусмотрено и при формировании судебного корпуса [Сперанский, 1961, с. 47–48].

но и составить актуальные списки кадрового резерва чиновников различного уровня. Однако многочисленные донесения о проблемах, возникавших в процессе проведения выборов в дворянских собраниях, ставили под сомнение возможность создания такого механизма в России. О понимании существовавшего противоречия между теоретическими принципами и реальностью красноречиво свидетельствует частная переписка В. П. Кочубея и М. М. Сперанского. Министр внутренних дел В. П. Кочубей 2 ноября 1820 г., обращаясь к генерал-губернатору Сибири М. М. Сперанскому, писал:

Молодые люди наши врут, болтают, ничего не понимают и сами не знают, чего хотят, понимая и конституцию, и либеральные правила в кривом виде, а, впрочем: созрели ли мы достаточно, чтобы помышлять нам о конституции? Вы лучше знаете теперь губернии. Что за выборы, что за депутаты! Тут-то бы увидели пресмешное представительное собрание! [В память графа М. М. Сперанского, с. 503–504].

В ответном письме М. М. Сперанский, полностью соглашаясь с данным высказыванием, тоже акцентирует внимание на противоречиях между общественными ожиданиями и объективными условиями:

Прежде знали в провинциях одно действие власти, ныне требуют законности, и хотя худо ее понимают, но последний крестьянин готов спорить с мирским головою, а дворянин – с губернатором. К сему присовокупляется недостаток людей. Тут корень зла: о сем прежде всего должно было бы помыслить тем юным законодателям, которые, мечтая о конституции, думают, что это новоизобретенная какая-то машина, которая может идти сама собою везде, где ее пустят [Там же].

Такая оценка действительного положения дел была созвучна и общей направленности разговора М. М. Сперанского с Александром I после возвращения в Санкт-Петербург. 24 августа 1821 г. он фиксирует в дневнике высказывание императора:

Разговор о недостатке способных и деловых людей не столько у нас, но и везде. Отсюда заключение: не торопиться преобразованиями, но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются [цит. по: Мироненко, с. 72].

Таким образом, сторонники введения в России конституции действительно ориентировались на европейские образцы (принципы верховенства закона, неприкосновенности личности и собственности, сословного представительства), но при этом учитывали российскую реальность и опыт проведения выборов в дворянских собраниях. Регулярно поступающие сведения о проблемах «наполнения мест, от выбора дворянства зависящих», порождали сомнения в возможности посредством голосования определить наиболее способных и компетентных кандидатов на роль помощников как региональной, так и коронной администрации.

Недостаточное количество людей, которые соответствовали бы хотя бы минимальному набору формальных критериев и одновременно обладали бы необходимыми морально-нравственными и деловыми качествами, неравномерность их территориального распределения, подлог, сговор и подкуп, создание избирательных «партий», преследовавших сугубо корыстные цели, факты уклонения от выборов – все эти явления становились в правительственных кругах важными аргументами для утверждения о недостаточном уровне просвещения подданных и несвоевременности учреждения в России конституции.

Список литературы

- Архив Государственного совета : [в 12 т.]. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1869–1904. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). 1874. Ч. 1. Журналы по делам департамента гражданских и духовных дел. 724, LXII с. Ч. 2. Журналы по делам департамента законов. 1030, XXVI с.
- В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1872. 885, XXVII с.
- Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 : [в 2 т.]. СПб. : Тип В. Безобразова, 1888–1891. Т. 1. 1801–1810 гг. 504 с. Т. 2. 1810–1812 гг. 758 с.
- Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 31–52.
- Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX в.: опыт сравнительно-исторического анализа : [в 2 ч.]. М. : Прометей, 2017. Ч. 1. 590 с. Ч. 2. 646 с.
- Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1906. VIII, 720 с.
- Куприянов А. И. Выборы в русской провинции (1775–1861). М. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 400 с.
- Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : РОССПЭН, 1998. 654 с.
- Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М. : РОССПЭН, 2010. С. 5–72.
- Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия : Политическая история России первой половины XIX века. М. : Мысль, 1990. 235 с.
- Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М. : Новый хронограф, 2014. 416 с.
- Писарькова Л. Ф. Власть монарха в административной системе России первой четверти XIX в.: «режим ручного управления» // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 60–69.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 17, 26, 28, 30, 31.
- РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. 16. Д. 50; Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8, 10, 15; Оп. 3. 1808. Кн. 46. Д. 348; Оп. 4а. 1814. Кн. 89. Д. 201; Кн. 91. Д. 231; Оп. 6. Отд. II. Ст. 3. Д. 12; Ф. 1286. Оп. 2. 1817. Д. 198.
- Сперанский М. М. Краткое начертание государственного образования // Сперанский М. М. Проекты и записки. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 225–237.
- Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (1809) (План всеобщего государственного преобразования) // Сперанский М. М. План государственного преобразования : (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С. 5–67.
- Тимофеев Д. В. Европейский принцип выборности в России первой четверти XIX века: идеальные модели и практики реализации // Cahiers du monde russe. 2016. № 4 (57). P. 743–764. DOI 10.4000/monderusse.9987.

Тимофеев Д. В. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная уставная грамота Российской империи». М. : Ин-т бизнеса и политики, 2007. 276 с.

Чернов К. С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // *Российская история*. 2009. № 4. С. 23–37.

References

Arkhiv Gosudarstvennogo soveta v 12 t. [Archive of the State Council. 12 Vols.]. (1869–1904). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 4. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1810 po 19 noyabrya 1825 g.). 1874. Part 1. Zhurnaly po delam departamenta grazhdanskikh i dukhovnykh del. 724, LXII p. Part 2. Zhurnaly po delam departamenta zakonov. 1030, XXVI p.

Chernov, K. S. (2007). *Zabytaya konstitutsiya “Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii”* [The State Constitutional Charter of the Russian Empire, a Forgotten Constitution]. Moscow, Institut biznesa i politiki. 276 p.

Chernov, K. S. (2009). “Reforma administratsii dolzhna byt’ predpochitel’nee konstitutsii” [“Reform of Administration Has to be More Preferable than the Constitution”]. In *Rossiiskaya istoriya*. No 4, pp. 23–37.

Korf, S. A. (1906). *Dvoryanstvo i ego soslovnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 godov* [The Nobility and Its Class Management over the Century, 1762–1855]. St Petersburg, Tipografiya Trenke i Fyusno. VIII, 720 p.

Kupriyanov, A. I. (2017). *Vybory v russkoi provintsii, 1775–1861 gg.* [Elections in the Russian Province, 1775–1861]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 400 p.

Medushevskii, A. N. (1997). *Demokratiya i avtoritarizm: rossiiskii konstitutsionalizm v sravnitel’noi perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism through the Comparative Prism]. Moscow, ROSSPEN. 654 p.

Medushevskii, A. N. (2010). Konstitutsionnye proekty v Rossii [The Constitutional Projects in Russia]. In *Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka*. Moscow, ROSSPEN, pp. 5–72.

Mironenko, S. V. (1990) *Stranitsy tainoi istorii samodержaviya. Politicheskaya istoriya Rossii pervoi poloviny XIX veka* [Pages of the Secret History of Autocracy. The Political History of Russia of the First Half of the 19th Century]. Moscow, Mysl’. 235 p.

Pisar’kova, L. F. (2014). *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshchenie* [The Government of Russia in the First Quarter of the 19th Century: Plans, Projects, and Implementation]. Moscow, Novyi khronograf. 416 p.

Pisar’kova, L. F. (2018). Vlast’ monarkha v administrativnoi sisteme Rossii pervoi chetverti XIX v.: “rezhim ruchnogo upravleniya” [The Power of the Monarch in the Administration System of Russia of the First Quarter of the 19th Century: “Manual Control Mode”]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2 (18), pp. 60–69.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 17, 26, 28, 30, 31.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1167. List 1. Vol. 16. Dos. 50; Stock 1284. List 3. 1805. Book. 22. Dos. 8, 10, 15; List 3. 1808. Book 46. Dos. 348; List 4a. 1814. Book 89. Dos. 201; Book 91. Dos. 231; List 6. Dep. II. Tab. 3. Dos. 12; Stock 1286. List 2. 1817. Dos. 198.

Speransky, M. M. (1961). *Kratkoe nachertanie gosudarstvennogo obrazovaniya* [An Outline of State-Building]. In Speransky, M. M. *Proekty i zapiski*. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, pp. 225–237.

Speransky, M. M. (2004). *Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov (1809) (Plan vseobshchego gosudarstvennogo preobrazovaniya)* [An Introduction to the Code of the State Laws (1809) (Plan of General State Transformation)]. In Speransky, M. M. *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya. (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.)*. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, pp. 5–67.

Timofeev, D. V. (2016). Evropeiskii printsip vybornosti v Rossii pervoi chetverti XIX veka: ideal'nye modeli i praktiki realizatsii [The European Elective Principle in Russia in the First Quarter of the 19th Century: Ideal Models and Implementation Practices]. In *Cahiers du monde russe*. No. 4 (57), pp. 743–764. DOI 10.4000/monderusse.9987.

Timofeev, D. V. (2020). Elektoral'nye konflikty i gruppovaya solidarnost' rossiiskogo dvoryanstva v tsarstvovanie Aleksandra Pervogo [Electoral Conflicts and Group Solidarity of the Russian Nobility in the Reign of Alexander I]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872 [In Memory of Count Mikhail Mikhaylovich Speransky. 1772–1872]. (1872). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 885, XXVII p.

Zakharov, V. Yu. (2011). Konstitutsionalizm kak variant modernizatsii rossiiskogo absolyutizma v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX veka [Constitutionalism as an Option of Modernisation of Russian Absolutism in the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 6, pp. 31–52.

Zakharov, V. Yu. (2017). *Rossiiskii i zarubezhnyi konstitutsionalizm kontsa XVIII – I-i chetverti XIX v.: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza v 2 ch.* [The Russian and Foreign Constitutionalism of the Late 18th – 1st Quarter of the 19th Centuries: An Attempt at a Comparative Historical Analysis. 2 Parts]. Moscow, Prometei. Part 1. 590 p. Part 2. 646 p.

Zhurnaly Komiteta ministrov. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802–1826 v 2 t. [Registers of the Committee of Ministers. Reign of Emperor Alexander I. 1802–1826. 2 Vols.]. (1888–1891). St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova. Vol. 1. 1801–1810 gg. 504 p. Vol. 2. 1810–1812 gg. 758 p.

The article was submitted on 01.02.2022